

УДК 81.13

И.И. Степанченко

О МОДЕЛИ И ОБЪЕКТЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

I. I. STEPANCHENKO. PRO MODEL TA OB'JEKT U LINGVISTIČI.

У статті розглядається взаємодія мовної моделі та об'єкту, що моделюється, – мови. Автор бере під сумнів тезу про доцільність перенесення властивостей різних окремих моделей на об'єкт, оскільки властивості об'єкту в цьому випадку з'являються змінними, часто несумісними величинами, а сам об'єкт втрачає свою цілісність та самостійність. Ситуація, що склалася, мабуть, є наслідком недостатньої вивченості об'єкту і однобічності його вивчення. Можливим виходом з неї є вдосконалення самих моделей, зокрема, уніфікація лінгвістичних моделей, розробка єдиної інтегрованої моделі на основі залучення цих суміжних наук, відмова від побудови окремих, хоча і внутрішньо несуперечливих моделей, але ґрунтованих на формальних, невизначених і таких, що не співвідносяться з інтегрованою моделлю ознаках. Факт впливу моделі на об'єкт проілюстровано зіставленням теоретичних положень структуральної та функціональної лінгвістичних парадигм.

Ключові слова: модель, об'єкт, структуральна парадигма, функціональна парадигма, властивості.

I. I. STEPANCHENKO. O MODELI I OB'JEKTE V LINGVISTIKE.

В статье рассматривается взаимодействие языковой модели и моделируемого объекта – языка. Автор подвергает сомнению тезис о целесообразности перенесения свойств различных частных языковых моделей на объект, поскольку свойства объекта в этом случае оказываются переменными, часто несовместимыми величинами, а сам объект утрачивает свою целостность и самостоятельность. Сложившаяся ситуация, видимо, является следствием недостаточной изученности объекта и односторонности его изучения. Возможным выходом из нее является совершенствование самих моделей, в частности, унификация лингвистических моделей, разработка единой интегрированной модели на основе привлечения данных смежных наук, отказ от построения частных, хотя и внутренне непротиворечивых моделей, но основанных на формальных, неопределенных и не соотносящихся с интегрированной моделью признаков. Факт влияния модели на объект иллюстрируется в статье сопоставлением теоретических положений структуральной и функциональной лингвистических парадигм.

Ключевые слова: модель, объект, структуральная парадигма, функциональная парадигма, свойства.

I. I. STEPANCHENKO. LINGUISTICS MODEL AND OBJECT.

The article discusses the interaction of the language as a model and the language as the modeled object. The author questions the thesis about the expediency of transferring various particular language models properties to the object, since the properties of an object in this case turn out to be variable, often incompatible, and the object itself loses its integrity and independence. Apparently, the current situation is a consequence of the lack of knowledge about the object and its one-sidedness study. A possible way out of this situation is the linguistic models improvement, in particular, the unification, development of a unified integrated model based on the use of related sciences data, the rejection of the construction of private, internally inconsistent models based on formal, indeterminate and non-correlated features. The fact that the model influences the object is illustrated in the article by comparing the theoretical positions of the structural and functional linguistic paradigms.

Keywords: model, object, structural paradigm, functional paradigm, properties.

Ученый-лингвист оперирует моделями. У него нет иного способа познания и описания не воспринимаемого чувственно объекта. По Р.Г. Пиотровскому, моделирование – это прием, при котором «наблюдению и исследованию подвергается не сам натурный объект (или иначе – оригинал), но его аналог-заместитель – модель» [9, с. 9]. Одним из первых модель языка разработал Л. Ельмслев в книге «Пролегомены к теории языка». Понятие модели вводится в лингвистический обиход и активно разрабатывается структуралистами в середине прошлого столетия. Определения модели различны у разных ученых. Если у Л. Ельмслева понятие модели близко к понятию языковой теории, то в более позднее время важной особенностью модели становится ее формальное воплощение, например, в виде математических формул.

В данной статье вслед за Ю.Н. Марчуком под моделью понимается «представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или какой-либо его подсистемы» [7, с. 25]. Цель статьи – рассмотреть отдельные аспекты взаимодействия модели и моделируемого объекта.

Общими свойствами модели считаются абстрактность, идеализация, упрощенный внешний вид (абстрагирование от ненужных деталей), применимость на практике (возможность проверить экспериментально), способность объяснить то или иное явление, универсальность [6].

Модель как лингвистическая парадигма характеризуется следующими признаками:

- максимальное отражение свойств и функций моделируемого объекта в целом, а не избирательно тех, которые являются непосредственным предметом исследования;
- внутренняя непротиворечивость;
- логичность построения, отсутствие метафоричности в основе базовых определений;
- соответствие теоретических постулатов данным смежных с лингвистикой наук – психологии, философии, логики, нейрофизиологии и др.

Последний признак особенно важен, когда речь идет о разработке модели в рамках антропоцентрической научной парадигмы, по существу – о признании лингвистики разделом человековедения.

Ю.Д. Апресян [1], К.М. Шилихина [11] и другие исследователи, рассматривая моделирование, считают, что главный его смысл заключается в изучении не скрытых свойств объекта, а свойств, заданных в виде модели, и затем в распространении этих свойств на исходный объект. Ю.Д. Апресян сравнивает построение модели с «черным ящиком», когда имеются исходные характеристики и известно, какие выводы должны быть, но сам механизм обработки исходного материала скрыт от исследователя [1, с. 78]. Иными словами, свойства объекта, в данном случае языка, определяются свойствами модели.

При таком понимании связи свойств модели и объекта возникает опасность их смешения, т.е. приравнивания объекта к способу или средству его исследования, влияния модели на объект.

Например, в ранних работах Ю.Д. Апресяна [2], И.А. Мельчука [8] и др. ученых семы (семантические множители) исходно рассматривались как слова с элементарными значениями, выделенные в отдельный класс единиц метаязыка описания семантики слов языка-объекта. Свойства модели были впоследствии перенесены на объект, и семы стали рассматриваться как компоненты структуры значения слов, став предметом исследования семантики при помощи метода компонентного анализа.

«Каждая лингвистическая парадигма – структурная, функциональная, коммуникативная, когнитивная и др. – объясняет устройство языка через свои специфические модели» [3, с. 26]. Моделирование языка в разных лингвистических парадигмах приводит к неизбежной трансформации объекта, наделяет его различными, подчас прямо противоположными свойствами, изменяет его статус. Например, в структуральной и функциональной парадигмах исследуемый объект (язык) характеризуется различными признаками. Прежде всего, язык как статический объект структуральной лингвистики противопоставлен языку как динамическому объекту в рамках функциональной парадигмы. Попытки нейтрализовать это противопоставление вряд ли можно считать убедительными.

Так, М.Я. Дымарский, рассматривая текст как одновременно статическую и динамическую структуру, пишет: «Текст как процесс и текст как продукт – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления» [4, с. 21-22].

Возникает вопрос: одновременное проявление в тексте свойств статического и динамического объекта – это реальное свойство текста или свойство исследовательской модели, угла зрения?

Видимо, текст (как и язык в целом), будучи самостоятельным, отдельным от модели, объективно существующим явлением, сам по себе не может быть одновременно статическим и динамическим объектом (признание языка развивающимся явлением и представление о языке как процессуальном явлении не тождественны). Статическими и динамическими могут быть аспекты его исследования, исследовательские модели, которые определяются, во-первых, целями и задачами моделирования объекта, во-вторых, специфическими для каждой из них исходными методологическими постулатами. Каждая модель не только заостряет внимание на определенных сторонах языка, но и, абстрагируясь от иных его сторон, модифицирует объект. Вопрос лишь в степени адекватности той или иной модели самому объекту, т.е. в степени модификации объекта в процессе моделирования.

Представление о тексте как одновременно динамической и статической структуре характерно прежде всего для структуральной парадигмы. Текст сам по себе и текст в акте коммуникации в рамках функциональной парадигмы не противопоставляются, поскольку текст вне акта коммуникации (или исключительно с позиций продуцирующего, хотя и в этом случае можно было бы говорить об автокоммуникации или самокоммуникации) лишен содержания и не может быть назван текстом в строгом смысле этого слова. Текст сам по себе – это материальное образование, которое становится формой по отношению к содержанию, рождающемуся только в акте коммуникации [9]. С функциональной точки зрения содержание (образы, понятия, эмоции) всегда процессуально и рождается только в процессе восприятия текста реципиентом, т.е. в динамике. С позиций же структуральной парадигмы текст сам по себе рассматривается как носитель закодированной информации, которая в акте коммуникации проявляется вариативно, с учетом помех в канале связи – личностных свойств реципиентов и т.п. В этом случае противопоставление динамики статике сродни противопоставлению речи языку. По существу текст в статическом аспекте включается в ряд языковых образований, а текст в динамическом аспекте (дискурс) – речевых. Если дискурс – это текст «здесь и сейчас» (Н.Д. Арутюнова), то текст «вообще» – это некоторая абстракция, механизм порождения дискурса. Дискурс – реализация этого механизма. Однако в лингвистике, как правило, в качестве речевого произведения рассматривается именно текст.

Можно предположить, что текст и дискурс с этой точки зрения являются не разными объектами описания, а разными моделями, описывающими единый объект. В этом случае вопрос о разграничении текста и дискурса как объектов описания является не вполне корректным.

Влияние модели на объект особенно ярко проявляется в разных представлениях о включенности «знаний о мире» в языковую сферу в рамках структуральной и функциональной парадигм.

В процессе коммуникации участвуют две системы – мышления и языка. В современной лингвистике этот тезис стал аксиомой. Однако проведение границы между этими системами и определение особенностей их взаимодействия в рамках разных лингвистических парадигм осуществляется по-разному. Проблема прежде всего возникает при установлении границ собственно лингвистической компетенции. Речь, в частности, идет о статусе т.н. «плана содержания» языкового знака.

Здесь мы неизбежно обращаемся к вечной проблеме связи слова и вещи. Как взаимосвязаны в нашем мышлении законы оперирования словами (точнее вербальными образами) и «вещами» – «предметными» образами, т.е. образами явлений и ситуаций внешнего мира? Насколько совпадают законы, правила оперирования этими образами? В свое время московский лингвист М.Н. Правдин поставил этот вопрос в достаточно жесткой и конкретной форме: семиотика или диалектика? [10] По мнению ученого, диалектические представления об окружающем нас мире, мире мышления и мире языка исключают отношения отражения (а по существу дублирования) между этими мирами. С позиций диалектического материализма окружающий нас мир богаче воспринимаемого органами чувств мира явлений, ибо включает в себя существующие объективно законы связи между явлениями, т.е. отношения между ними, на познание которых направлены усилия ученых. Эти законы, определяющие сущность, скрывающуюся за явлением, не могут быть непосредственно отражены в мышлении.

Как диалектически противоречивый с философской точки зрения должен быть рассмотрен и процесс мышления. Понятие представлено в мышлении не непосредственно, а через ряд его определений (и «предметнообразных» и вербальных). Невозможно утверждать, что связи между определениями одного понятия в человеческом мышлении – это непосредственное отражение связей между явлениями действительности.

Третьим миром, образующим единую систему с миром действительности и мышления, является язык. Традиционно слово как основная единица языка рассматривается как знак понятия и через него – знак «предмета» (в широком смысле – вещи, признака, действия, состояния, ситуации и т.д.). Мир можно познавать, имея дело с чувственно воспринимаемыми объектами и с языковыми произведениями. Но в слове буквально не заложены знания о мире. Еще в работах Гумбольдта и Потебни доказано, что слово лишь средство возбуждения в сознании человека образов и понятий, отражающих действительность.

С этой точки зрения, к собственно языковой семантике (семантике в узком смысле) следует отнести законы оперирования именем в определенной языковой системе. Если рассматривать лексическую семантику как неграмматические правила оперирования словом в данной языковой системе, то проявление семантических связей, видимо следует искать в области неграмматической сочетаемости. По мнению В.А. Звегинцева, «совокупность ... возможных сочетаний слова фактически и обуславливает существование лексического значения как объективно существующего явления или факта языка» [5, с. 122-123]. Так, например, законы лексической семантики, рассматриваемой с функциональной точки зрения как неграмматические правила оперирования словом в данном языке, нарушены в таких сочетаниях, как иноземный язык, закадычная подруга, потупить письмо в почтовый ящик и под.

Если законы грамматики более или менее автономны, то характер связи между словами регулируется как законами мышления, так и законами языка, однако эти законы являются законами различных, хотя и взаимосвязанных систем. Правила оперирования именами в системе языка не являются прямым отражением оперирования образами, отражающими действительность в нашем мышлении. Знание языка не сводится к знаниям о мире, поэтому языковая семантика не может рассматриваться как отражение существенных признаков явлений окружающего мира.

Из сказанного следует, что сущность языка, границы между языковой и мыслительной системами в различных лингвистических парадигмах определяются по-разному. Иными словами, модели, принятые в разных парадигмах, оказывают непосредственное влияние на свойства моделируемого объекта, его границы и функциональные возможности. Язык как моделируемый объект в этом случае характеризуется переменными признаками, зависящими от модели.

Представляется, что тезис о признании свойств объекта переменными величинами, зависящими от свойств исследовательской модели, не относится к бесспорным и при его логическом развитии может привести к потере представления о языке как об объекте, существующем независимо от модели, т.е. к полному отождествлению объекта и модели. В этом случае мы вынуждены будем признать, что язык как единый объект лингвистического исследования представляет собой фикцию и сводится к вариативным образованиям, лишенным внутренней целостности и единства. Различные варианты моделируемых «языков» не представляют собою различные ипостаси одного явления, а подчас прямо противоположны, исключают друг друга. Видимо, такое представление о языке как об объекте лингвистики вряд ли перспективно. Классическое высказывание А. Мейе «Существует столько же лингвистик, сколько лингвистов» можно было бы продолжить: и столько же объектов, называемых лингвистами языком.

С другой стороны, отказ от перенесения свойств модели на объект ставит под сомнение саму идею моделирования свойств объекта, не поддающихся непосредственному восприятию. Сложившаяся ситуация, видимо, является следствием недостаточной изученности объекта и односторонности его изучения. Возможным выходом из нее является совершенствование самих моделей, в частности, унификация лингвистических моделей, разработка единой интегрированной модели на основе привлечения данных смежных наук, отказ от построения частных, хотя и внутренне непротиворечивых моделей, но основанных на формальных, неопределенных и не соотносящихся с интегрированной моделью признаков. Свойства объекта, которые не зависят от конкретной частной модели, проявятся лишь как результат разностороннего и разнопланового его изучения.

Таким образом, внимание к исследовательской модели (методологии исследования), оказывается чрезвычайно важным в современной лингвистической науке. Имеющее место мно-

гообразие методологических подходов, вопреки распространенному мнению, не способствует углублению изучения языка, поскольку каждая модель видоизменяет объект, наделяет его различными характеристиками, перенесенными из модели. Исследователь в этом случае лишен возможности оценить результаты исследования с учетом «возмущающего» свойства модели и оценить последнюю с точки зрения ее ценности для познания свойств объекта. Разработка интегрированной модели лингвистических исследований связана с выходом за пределы лингвистики, с интеграцией наук, позволяющей взглянуть на язык не только изнутри, но и «со стороны» и «вписать» язык в систему представлений о человеке и окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 301 с.
2. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
3. Гришаева Л.И. Теория языка. Воронеж, 2011. 151 с.
4. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 281 с.
5. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Издательство Московского университета, 1957. 320 с.
6. Зубов А.В. Информационные технологии в лингвистике. М.: Академия, 2004. 206 с.
7. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. М.: Наука, 1985. С. 199.
8. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — текст». М.: Школа Языки русской культуры, 1999. 346 с. — переиздание работы 1974 г.
9. Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 256 с.
10. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. М.: Вдохновение, 1991. 231 с.
11. Шилихина К.М. Формальные модели в лингвистике. Воронеж, 2005. 31 с.

(Статья поступила в редакцию 10 декабря 2018 г.)